

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕRPETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

UNIVERSITAS TARTUENSIS
HUMANIORA: LITTERAE RUSSICAE

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Настоящий сборник издается под эгидой международной редколлегии: **Humaniora: Litterae Russicae**, утвержденной на заседании Совета философского факультета Тартуского университета 8 февраля 2006 г.:

И. Белобровцева (Эстония), Д. Бетеа (США), А. Данилевский (Эстония), А. Долинин (США), Л. Киселева (Эстония) — председатель редколлегии, А. Лавров (Россия), Р. Лейбов (Эстония), А. Немзер (Россия), А. Ословат (США), П. Песонен (Финляндия), Л. Пильд (Эстония), Т. Степанишева (Эстония), П. Тороп (Эстония), О. Ханзен-Леве (Германия)

Редактор тома: Л. Киселева

Технический редактор: С. Долгорукова

Дизайн обложки: К. Векшиной

В редактировании настоящего тома участвовали: Р. Войтехович, А. Данилевский, Л. Киселева, Р. Лейбов, Л. Пильд, Е. Погосян, Т. Степанишева

Все статьи и публикации настоящего тома прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were peer reviewed

Авторские права:

Статьи и публикации: авторы, 2008

Составление: Кафедра русской литературы Тартуского университета, 2008

*Издание осуществлено на средства гранта № 7021 ЭНФ
Raamat on välja antud ETF grandi nr 7021 rahadega*

ISSN 1024-3968

ISBN 978-9949-19-031-7

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press
www.tyk.ee
Eesti / Estonia

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Киселева, Л. Пильд, Т. Степанишева. Некоторые итоги «путеводительного проекта»	7
Л. Киселева (Тарту, Эстония). Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.)	15
С. Исаков (Тарту, Эстония). Заметки о путеводителях по Эстонии XIX – начала XX вв.	41
Т. Степанишева (Тарту, Эстония). Эстония в путеводителях Бедекера	81
А. Энгель (Киль, Германия). «Эстония — самая дешевая и самая интересная страна в Европе»	98
Я. Курсите-Пакуле (Рига, Латвия). Репрезентация Эстонии в латышских путеводителях XIX–XXI вв.	113
Е. Протасова (Хельсинки, Финляндия). Финны о поездках в Эстонию: взгляд обывателя и взгляд путеводителя	130
Л. Пильд (Тарту, Эстония). Путеводители по Эстонии на русском и эстонском языках (1940–1970-е гг.): композиция и принципы отбора материала	138
Д. Килфой, Е. Погосян (Эдмонтон, Канада). Путеводитель по городу, которого больше нет	151
Е. Нымм (Нарва, Эстония). Формирование канона русского путеводителя по Нарве в дореволюционной России	173
М. Витухновская-Кауппала (Хельсинки, Финляндия). Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии: от романтической идиллии к политическому противостоянию	195

- Laigna, Treial: *Laigna K., Treial H.* Eesti NSV: Linnast linna. Tallinn, 1977.
- Marksoo: *Marksoo A.* Eesti NSV. Tallinn, 1961.
- Mäemets: *Mäemets A.* Matk Eesti järvedele: Teejuht matkajaile. Tallinn, 1969.
- Pärnumaa: Pärnumaa: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1930.
- Rummo: *Rummo P.* Kodumaal rännates. Tallinn, 1970.
- Setumaa: Setumaa: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1928.
- Suur: *Suur A.* Tartu juht. Tallinn, 1970.
- Tallinn: Tallinn / Koost. V. Tarmisto. Tallinn, 1957.
- Tartu: Tartu: juht ja teatmik. Tartu, 1963.
- Tartumaa: Tartumaa: Maadeteadusline, majandusline ja ajalooline kirjeldus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1925.
- Tõnisson: *Tõnisson E.* Linnamäed ja maa linnad. Tallinn, 1966.
- Valgamaa: Valgamaa: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1932.
- Viljandimaa: Viljandimaa: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. I. Üldosa. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1939.
- Võrumaa: Võrumaa: Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1926.
- Õunapuu: *Õunapuu K.* Matkateid Eestis. Tallinn, 1966.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОРОДУ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

ДЕННИС КИЛФОЙ, ЕЛЕНА ПОГОСЯН

В 1985 г. известный эстонский писатель-эмигрант Эйнар Санден (Einar Sanden) напечатал в издательстве «Бореас» путеводитель по Таллинну. В него он целиком включил путеводитель по Таллинну, изданный в Эстонии в 1935 г. на английском языке, и снабдил его предисловием и послесловием. Все страницы оригинального путеводителя напечатаны в рамке, текст самого Сандена — без нее, поэтому читатель может сразу же опознать, относится та или иная страница к 1935 или к 1985 гг. Путеводитель открывается очень кратким оригинальным предисловием (с. 5), потом помещено предисловие Сандена (с. 7–9). За предисловием 1985 г. следует текст оригинального путеводителя (с. 11–85); в том числе отзывы британских авторов, посетивших Таллинн в 1926–1933 гг. (с. 80–85). Наконец, в конце Санден дает подборку отзывов иностранцев, которые посетили Таллинн в 1983–1984 гг. Такое чередование старых и новых сегментов имеет для составителя принципиальное значение.

Оригинальное предисловие 1935 г. занимает всего полстраницы, здесь кратко и четко определены задачи издания. В первых, Таллинн, подчеркивает составитель предисловия, не является больше только «а “night-cap” city», «городом, где можно в приятной обстановке пропустить стаканчик на сон грядущий» (где спиртное продают и поздно вечером¹). И это не просто город «романтической истории и средневековой архитектуры»: Таллинн обладает способностью быстро меняться, и посетитель не может не заметить здесь «волнения новой

¹ В отличие, например, от соседней Финляндии, где, несмотря на отмену сухого закона, в 1935 г. все еще действовали крайне строгие ограничения на его продажу.

Здесь и далее перевод с английского Е. Погосян.

жизни». Во-вторых, Таллинн представлен как скромный, неброский: достопримечательности города «скромные, хоть и неповторимые», новая жизнь здесь — это «скорее обещание, чем реальность», даже сам путеводитель — «скромная брошюра». Эти характеристики не являются случайными: именно из-за неброскости города посетитель должен не просто заглянуть сюда, а «как следует познакомиться с городом», и путеводитель призван «растолковать старомодный шарм» Таллинна. Заканчивается предисловие словами «[Таллинн] политический центр независимой страны» [Tallinn 1935+1985: 5]. В 1985 г. от тех перемен, которые происходили в Эстонии в 1935 г., не было уже и следа, Таллинн больше не являлся и столицей независимой страны. Но идея того, что город является загадкой для внешнего наблюдателя и должен быть истолкован, очень важна и для Сандена.

Предисловие Сандена также — небольшое, но крайне емкое. Оно открывается словами: «Трагедия началась 23 августа 1939 года», — создавая иллюзию единства двух предисловий: Санден продолжает рассказ с того момента, где остановился автор оригинального предисловия. Он пишет о пакте между СССР и Германией, кратко останавливается на событиях сентября 1939 — июля 1940 г., говорит об объявлении Эстонии советской республикой и о депортациях 1941, 1944 и 1949 гг., изменении границ Эстонии и аккуратно спланированном переселении сюда 550 тысяч русских. Кроме того, Санден посвящает значительный по размерам сегмент предисловия квартирному вопросу, где говорит, что русские находятся в привилегированном положении при распределении жилья и что в 1982 г. на одного жителя приходилось «жалкие 16,3 квадратных метров жилой площади». Заключительный абзац является своего рода «лирическим отступлением», он ярко демонстрирует позицию Сандена, и его следует привести полностью:

Во всех частях Советского Союза ходят слухи, что на берегах Балтики есть старинный сказочный город, в нем есть огромная статуя Архангела, которая протягивает крест в сторону открытого моря. Здесь живут почти как на Западе, и местные жители и по внешнему виду, и по поведению совсем не похожи на других

Homo Sovieticus. Они могут смотреть телевизионные программы некоторых не-социалистических стран. Этот город стал местом, о котором мечтают многие миллионы русских [Tallinn 1935+1985: 9].

И вслед за этим абзацем помещена фотография упомянутой Санденом статуи Архангела с подписью «Таллинн. Архангел у моря (возведен в 1902 г.). Один из немногих монументов в Эстонии, который Советы еще не уничтожили». Фотография, конечно же, имеет символический смысл: Архангел почти отвернулся от зрителя, а за ним открывается море, и Архангел указывает в море, за пределы Советского Союза, как бы размыкая пространство — как размыкает пространство и подпись после предисловия 1985 г.: «Валпинеда, Каталония, 4 сентября 1985 г. Эйнар Санден».

Показательно, что Санден не нашел нужным менять текст самого путеводителя, хотя с практической точки зрения он и содержит совершенно бесполезную в 1985 г. информацию. Так, например, из путеводителя можно узнать, что в 1935 г. в Таллинне проживало 135296 человек, что поезд из Москвы шел 33 часа, а из Ленинграда 13,5 часов; что из Лондона можно было добраться до Таллинна на корабле за 5–6 дней, а из Стокгольма — за 20 часов; что в Эстонию можно было ввезти только одну и только уже открытую бутылку алкоголя, 200 граммов табака, и одна семья могла иметь при себе только один театральный бинокль и не более двух колод игральных карт. Здесь же даны адреса отделений связи, ресторанов и гостиниц, а также цены на транспорт и разного рода услуги, — сведения, которые вряд ли могли пригодиться туристу в 1985 г. В замысел Сандена определенно входило оставить основную часть путеводителя такой, какой она была в 1935 г.: он не стремится показать туристу, что и где можно увидеть в Таллинне, а, напротив, старается показать, чего уже больше нет. То, что путеводитель 1935 г. для Сандена является путеводителем в прошлое, которого уже не вернуть, очень хорошо видно из его романа «КГБ вызывает Эве».

Роман был издан на эстонском языке («KGB kutsub Evet») в Стокгольме в 1968 г. и на английском языке («KGB Calls Eve») в Лондоне в 1978 г. Он не претендует ни на заниматель-

ность, ни на психологизм, все в нем подчинено только одной цели — разоблачению советского режима². Действие его происходит в Таллинне в начале 1960-х гг. Главная героиня романа Ирья — эстонская девушка, которая только что закончила отделение иностранных языков Таллинского педагогического института. Ирья работает в магазинчике и ждет, когда Министерство просвещения найдет для нее место учителя в Таллинне. Она ненавидит русских и советский режим, но вовсе не является активной участницей эстонского сопротивления.

Однажды Ирье звонят из Интуриста и предлагают поработать экскурсоводом: в 1960 г. в Таллинне должен был проходить певческий праздник и впервые город был открыт для иностранных туристов, а Интурист располагал всего несколькими сотрудниками, которые владели английским или немецким языком. Из-за того, что раньше иностранцы не допускались в Эстонию, не было и подходящего путеводителя на английском языке. Когда Ирья пришла к руководителю Интуриста, она сразу же заинтересовалась, какую литературу на иностранных языках ей следует использовать, чтобы подготовиться к проведению экскурсий. Товарищ Лийм, руководитель Интуриста, отвечает:

«У нас не было времени напечатать брошюры [о Таллинне] на иностранных языках. До сих пор нам они не были и нужны. Конечно, несколько таких книг существовало до Второй мировой войны. Некоторые из них сохранились, но от них мало толку, потому что они устарели, — он издал короткий смешок, — до смешного устарели». Он взял книгу, которая лежала на углу его стола. «Вот посмотри, это английский “Путеводитель по Таллинну”, напечатанный в 1935 году, напечатан хорошо и на хорошей бумаге. Но содержание! Поверь мне, здесь нельзя найти и слова, которое подошло бы для туристов!» [Sanden: 14–15].

² Одновременно он является своего рода практическим руководством по выезду из Советского Союза за границу на постоянное место жительства, и подзаголовок «документальный роман» только подчеркивает, что все, что произошло с героиней, может произойти с каждым, кто захочет уехать из Советской Эстонии.

Последнюю фразу читатель, конечно же, должен прочитать как своеобразное саморазоблачение: Интурист вовсе не стремится рассказать иностранцам правду о том, что происходит в Эстонии, и потому путеводитель 1935 г. совершенно не подходит для новых — пропагандистских целей.

Ирья начинает работать экскурсоводом, вскоре соглашается быть осведомителем КГБ и подключает к этой работе свою подругу. В самом начале своей новой карьеры Ирья встречает Марка, эстонца, эмигрировавшего в Швецию и вернувшегося в Таллинн в качестве туриста, чтобы найти себе жену. Желание Ирьи выйти замуж за Марка и уехать в Швецию поддерживают и ее коллеги из КГБ, и после отъезда из Эстонии героиня романа информирует КГБ об эстонцах, проживающих за границей. Конечно, Ирья не собирается помогать КГБ, она пишет в своих донесениях о том, что, по ее мнению, никому не повредит, и использует эту организацию, чтобы покинуть страну и потом вывезти на Запад свою мать. И ей это удастся. Роман кажется наивным, в нем не всегда концы сходятся с концами, но для автора это и не важно. Его задача — показать Эстонию, какой она стала в 1960-х гг. Фоном же, который остается за рамками романа, оказывается Эстония до советской оккупации. Именно с той старой Эстонией читатель должен сравнивать все, что изображено в романе, и путеводитель 1935 г. оказывается своего рода «претекстом», документом, который запечатлел страну, какой она была когда-то. С точки зрения таких деятелей, как «товарищ Лийм», этот документ «до смешного устарел», с точки зрения автора — он имеет совсем другой смысл.

Потому с особым вниманием автор изображает туристско-иностранцев, приезжающих в Таллинн в 1960 г. Многие из них — эстонцы, которые помнят Таллинн до 1940 г. Их воспоминания выполняют такую же функцию в романе, как и путеводитель 1935 г. Оказывается, главное, что утратила Эстония, — это быт, повседневный уклад жизни. Этот уклад разрушается не только и даже не столько новым политическим строем, сколько хлынувшими из России переселенцами. Показательна уже первая бытовая зарисовка в романе — сцена

в трамвае. Ирья спешит домой после звонка из Интуриста, но намеренно пропускает трамвай того маршрута, где можно встретить больше пьяных русских и который эстонцы стараются избегать. Кроме того, русские привезли в Эстонию клопов, и, например, в общежитии Педагогического института клопов невозможно извести, потому что все новые и новые партии прибывают со студентами из России. В этом эпизоде выстраивается прозрачное сопоставление «русские — клопы» (такие же многочисленные и неизбывные, потом в романе будет повторяться характеристика «паразиты»), и Санден настолько дорожит этим эпизодом, что даже вводит в роман совершенно невероятную ситуацию, когда первую группу иностранцев, допущенных в Эстонию после войны, поселяют в общежитии, в котором не только полно клопов, но и нет горячей воды. Автор, правда, сжалился над иностранцами, и на следующий день их перевели в гостиницу Интуриста «Палас» [Sanden: 24].

Туристы, особенно не-эстонцы, видят совсем не то, что происходит на самом деле. Обеды в ресторане готовят самые роскошные, эстонцы, поющие и танцующие во время Певческого праздника, одеты в красивые и дорогие национальные костюмы и кажутся счастливыми. На этом фоне речь Алексея Мюрисеппа во время открытия певческого праздника даже может показаться вовсе не фальшивой, а просто не очень удачной риторически³. Ирья (а с ней и читатель) знает, что все, сказанное Мюрисеппом — ложь, но многие иностранцы не знают и совершенно искренне восхищены увиденным. И тут Санден выводит героя, который объясняет своим попутчикам, что такое «потемкинские деревни»:

У власти была Екатерина II. Ее фаворитом был князь Григорий Потемкин. Он помог ей завоевать Крым, и в награду за его служ-

³ Именно Мюрисепп появляется у Сандена не случайно: в 1959 г. на английском языке была опубликована брошюра Мюрисеппа, посвященная Эстонии, под заголовком «Эстония. Прекрасное прошлое, чудесное будущее» [Müürisepp]. Роман Сандена во многом является опровержением этого сочинения.

бу она назначила его правителем завоеванной территории. <...> Через четыре года царица решила посетить вновь обретенные территории. Князь захотел показать, как хорошо он правит этими землями. Он хотел, чтобы создалось впечатление, что он управляет прекрасным и процветающим краем. Для этого по пути следования царицы он возвел <...> целые деревни, сделанные из картона. Мешки, наполненные песком, должны были изображать мешки, полные кукурузы. <...> Одни и те же стада прогоняли перед царицей несколько раз [Sanden: 28].

Все увиденное иностранцами, таким образом, может с большой вероятностью оказаться как раз такой «потемкинской деревней», в том числе, и певческий праздник. И вот тут начинаются сложности: оказывается, певческий праздник как раз является одновременно и «потемкинской деревней», и проявлением духа нации, формой сопротивления новому режиму. Поэтому Санден в романе дает самые подробные объяснения тому, что происходит.

Этот принцип сохраняется и в путеводителе: происходящее в Эстонии внешнему наблюдателю по-прежнему непонятно и требует интерпретации. И эта идеологема одинаково адекватна, как мы видим, и для 1935, и для 1985 гг.

Последняя часть путеводителя 1935 г. — выдержки из описаний Эстонии, взятые из сочинений британских авторов. Этот раздел состоит из четырех отрывков, отобранных таким образом, чтобы построить специфический портрет города. Первый из них взят из статьи известной писательницы Беатрис Харриден (Beatrice Harriden), написанной в 1926 г.; второй — из книги Оуэна Раттера (Owen Rutter) «Новые Балтийские государства»; третий — из статьи «Англичанин на 9-м Празднике песни в 1928 г. в Эстонии» профессора Дж. Й. Симпсона (J. Y. Simpson); наконец, четвертый — из статьи И. Х. Харриса (E. H. Harris) 1933 г. Все четыре отзыва крайне положительные, хотя — и это очевидно из подобранных эпизодов, — авторы их не всегда способны разобраться в том, что видят. Все они называют основные достопримечательности средневекового Таллинна, но у них есть и ряд необычных и неожиданных характеристик,

и данные характеристики объединены в этой рубрике, конечно же, не случайно.

В трех из четырех приведенных отзывов Эстония представлена как загадочная страна. Наиболее определенно это видно из второго отрывка. Раттер пишет, что все три Прибалтийских государства однообразны и путешествие по ним монотонно, но столицы их разительно отличаются: Каунас «частично русский», «таких городов множество по всей России», Рига — «в основном немецкая» и «за исключением старой части — европейский город». «Но Таллинн, — пишет Раттер, — загадка. Он напоминает Пекин <здесь и далее курсив наш. — Д. К., Е. П.> в том, что он не похож ни на одну страну в мире. Он любопытный, оригинальный. У него есть своя неповторимая индивидуальность, это — странная смесь, так как датчане, шведы, немцы и русские приложили руку к его созданию» [Tallinn 1935+1985: 80–81]. Свой рассказ о певческом празднике профессор Симпсон начинает со слов Гете о том, что народ без эпоса не способен к самовыражению. Эстонский эпос еще не написан, потому что эстонцы сначала строили свою государственность «как евреи восстанавливали свою священную столицу во времена Неемии, с мечом в одной руке и мастерком в другой» [Там же: 81]. Наконец, в последнем отрывке Таллинн сопоставлен с Ливаном. «В самом отдаленном уголке Балтийского моря, как *Балтийский Ливан*, лежит Эстонская республика». По словам Харриса, в этом необычном «Ливане» можно найти смешение датского, шведского, немецкого и русского [Там же: 84–85]. Составители, конечно же, намеренно выбрали эти неожиданные «восточные» и экзотические уподобления (Эстония как Китай, Израиль, Ливан). Таллинн — неведомый и непонятный (в отличие, например, от Каунаса и Риги, которые узнаваемы, как русский или немецкий город), и это переключается, как мы видели, с предисловием: Таллинн нужно разъяснять, он непонятен без «интерпретации» (уверенность профессора Симпсона, что у эстонцев нет эпоса, только подчеркивает это).

В подборке есть и другие устойчивые характеристики Таллинна. Так, авторы первых двух отрывков приятно удивлены,

что в Таллинне нет дурных запахов. Беатрис Харриден пишет: «Я никогда не видела рынка чище и приятнее, чем в Таллинне; <...> это город без дурных запахов. Вместо них ветер доносит изысканный аромат, смесь запаха горящих дров и лимонного дерева в цвету» [Tallinn 1935+1985: 80]. Раттер почти повторяет слова английской писательницы: «Древний Таллинн, как и современная Рига, чистый; его красоты не пострадали от дурных запахов, как во многих других старых городах. Запахи, которые знает Таллинн <...> обычно приятные, запах свежеспеченного хлеба и поджаренного кофе» [Там же: 81]. Кроме того, читатель узнает, что в городе есть «электрические трамваи» и «современные здания в немецком стиле», что певческие праздники могут со временем стать не менее привлекательными для туристов, чем Вагнеровский фестиваль в Германии и проч.

Последнее предложение этой подборки и всей оригинальной брошюры в целом⁴, с умыслом или без него, звучит многозначительно: «Здесьшний замок — датский, старейшее учебное заведение носит имя Густава Адольфа, и в Екатериненталь (Кадрриорге) вы можете увидеть *ботинки Петра Великого* под его кроватью в русском домике» [Там же: 85]. Но даже если эта символическая деталь прокралась в подборку непреднамеренно, то для Сандена она не могла пройти незамеченной: русские не только наследили в Эстонии, ботинки остались здесь как трагическое предзнаменование. Точно так же и в романе «КГБ вызывает Эве» русская имперская история является главным ключом для понимания советского режима.

За этой частью путеводителя следует подборка материалов, относящихся к 1980-м гг. и подобранных самим Санденом. Подборка 1935 г. имела название «Замечания британских авторов о Таллинне». Санден называет свою подборку «... и отрывки из [статей] семи западных журналистов через 50–60 лет...». Санден опять, как и в случае с предисловиями, свя-

⁴ За ним идет лишь набранное другим шрифтом и расположенное в правой части страницы приглашение посетить Таллинн и фотография Ратушной площади.

зывает эти две подборки и предлагает читателю самому решить, насколько изменилась Эстония за эти годы. Он использует семь отрывков разного объема, в одних случаях всего несколько строк, в других — несколько страниц. Источники Сандена очень отличаются по своей идеологической направленности, и он использует их по-разному. Это не просто подборка сочувственных отзывов о трагедии Эстонии с исключением тех сегментов, где с симпатией говорится о советском режиме, хотя этот принцип отбора играет важную роль. Санден подбирает материал более придиричиво.

Первый эпизод заимствован из книги Колина Фаброна (Colin Thubron) «Среди русских»⁵. Книга рассказывает об автомобильном путешествии автора по Советскому Союзу, и одна из глав, «На Балтике», посвящена Эстонии. Санден выбирает только два маленьких абзаца из рассказа Фаброна. Уже заглавие книги в этой подборке получает у Сандена дополнительное значение: большая часть книги Фаброна, действительно, рассказывает о путешествии автора по России, и потому название прямо и без всяких подтекстов отражает содержание книги. У Сандена, помещенное в рассказ об Эстонии, оно подчеркивает именно присутствие тут русских: в новом контексте название может указывать как на то, что, приехав в Эстонию, путешественник парадоксальным образом оказывается среди русских, так и на тот факт, что эстонцам приходится жить и бороться за существование среди русских. Точно так же выбранная Санденом цитата далеко не отражает позиции автора книги «Среди русских». Фаброн строит рассказ о своем путешествии как серию высказываний местных жителей об их существовании в Советском Союзе, за которыми следует цепочка его собственных наблюдений. То есть, путешествие является своеобразным экспериментом, и автор сравнивает свои впечатления с тем, что он слышал: он стремится

⁵ Под названием «Среди русских» (“Among the Russians”) книга была впервые издана в 1983 г. Позднее она издавалась под заголовком «Там, где ночи длиннее всего» (“Where Nights are Longest”) [Thubron].

быть объективным наблюдателем. Главу об Эстонии он начинает с рассказа о встрече с тартуским студентом-археологом, потом рассказывает о своих беседах с эстонцем-методистом, его последняя встреча — со старичком-пастором.

Студент, которого автор подвозит в Таллинн, сообщает автору по пути, что практически все эстонцы относятся к русским «с омерзением», но население Эстонии не растет, а русские «так и валят» в эстонские города, чтобы занять все рабочие места, эстонцы же обречены на вымирание. За первым рассказом следует первая зарисовка — сцена в кемпинге, где остановился Фаброн:

Я нашел тут много эстонцев из Швеции или Финляндии, родители которых бежали в 1944 г., незадолго до того, как короткая независимость Балтийских стран была задушена Сталиным. <...> Почувствовав себя на свободе, где финские антиалкогольные законы не действуют, они праздновали всю ночь, и долго шумели на свободе, в то время как советские эстонцы угрюмо сидели вокруг своих примусов, жарили куски рыбы и варили манную кашу. Русские же, расставив свои спартанские палатки и расположившись для пикников, прислушивались к ликованию эмигрантов с еле заметным отвращением или изумлением [Thubron: 108].

Здесь советские эстонцы, как и русские, отделены стеной непонимания и отчуждения от своих соотечественников-эмигрантов, которые едят, пьют и шумно веселятся. И это, конечно же, противоречит представлениям Сандена о том, что эстонцы, как живущие в СССР, так и эмигранты, составляют одну нацию и не имеют ничего общего с русскими.

Затем в рассказе Фаброна об Эстонии следуют первые впечатления о Таллинне. Из этого эпизода видно, что автор сочувственно, но скептически относится к периоду независимости Эстонии 1919–1940 гг., и скорее иронически пишет о «неумелой, но утешительной независимости Эстонии», “Estonia’s incompetent but reassured independence” [Там же: 109]. Рассуждая об истории и архитектуре города, он приходит к выводу, что тут почти нет и никогда не было ничего эстонского:

Таллинн сам по себе настраивает на воспоминания о столетиях сумрачного недоумения — истории, проведенной в тени других,

столетиях, которые раздавали Прибалтийские страны как игральные карты немецким купцам, шведским королям и возрастающей в своей мощи России. <...> Кажется, что ничего здесь не принадлежит эстонцам. Немецкие стены выются своими разрушенными бастionsами и забираются к Датской <у автора ошибочно — «голландской». — Д. К., Е. П.> крепости. В приделах собора гроздьями висят гербы Балтийских баронов, давно уже ушедших; и надгробные камни немецких гильдий, — мясников, сапожников, кожевников, — вперемешку с надгробными камнями шведских маршалов и российского адмирала наполняют неф собора. Только известняк, на котором все это стоит, связан с великаншей — мифической прародительницей эстонского народа [Thubron: 108–109].

Затем автор встречает пьяного эстонца, слушает скрипача, который мучает русских туристов немецкими народными мелодиями. Наконец, он знакомится с Яном, молодым эстонцем-методистом, химиком по образованию, который, по мнению автора, рассуждает о русских, как англичане говорят об ирландцах; речь идет о том, что русские живут в грязи, как свиньи, и пропивают все деньги [Там же: 110]. Наконец, он разговаривает со старичком-пастором, «изолированным от мира в своем доверчивом неведении», в памяти которого все перепуталось — языки, даты, войны, который не может думать уже ни о чем, кроме старости и приближающейся смерти [Там же: 113]. Градация встреч и мнений подчеркнута: от «антиколониального дискурса» студента-археолога, для которого эстонцы как нация стоят на пороге вымирания, к «имперской инверсии» Яана, где колонизаторами оказываются варвары, потом к преодолению колониальной и имперской риторики с точки зрения человека, стоящего перед лицом смерти. Неудивительно поэтому, что эта череда впечатлений завершается сценой на кладбище. Сцена, конечно же, имеет важный для Фаброна символический характер — это некоторое всеобщее и окончательное примирение. Приведем эпизод полностью:

Вечер. Неподалеку от моего кемпинга расположено самое большое кладбище города — пропахшая соснами долина мертвых, вся

усыпанная цветами. На половине современных могил видны христианские символы. Зажженные свечи пылают среди венков. Рядом со многими могилами скамейки; до сих пор некоторые семьи едят рядом с надгробиями покойных — это то, что сохранилось от языческих пиров в честь умерших. На этом государственном кладбище люди всех вероисповеданий лежат вместе. Я даже видел скульптурное изображение еврейской меноры. На других могилах коммунистические звезды (адский огонь, как шутят христиане). Я поинтересовался, что такое атеистические похороны. «Они читают стихи, — сказал Яан, — и поют песни про природу и птиц, которые поют на деревьях. Это абсурд». Но их надписи простые и честные: «В память об останках». Они встречаются горе без какой-либо поддержки, в надежде только на то, что память о человеке затмит разложение [Thubron: 114].

Именно этот последний фрагмент Санден включает в свой путеводитель. Он заменяет в этом отрывке только «Вечер» на «Вечер в Таллинне» для того, чтобы уточнить, о чем именно идет речь, в остальном дает точную цитату, хотя и не указывает страницы. На основании этой цитаты, вырезанной из контекста, читатель путеводителя может предположить, что Фаброн подчеркивает религиозную терпимость, существующую в Эстонии, а скорее даже в Советском Союзе, по крайней мере, когда речь идет о мертвых. Из слов Яана (даже не зная контекста, читатель может угадать по имени, что Яан эстонец) можно предположить, что атеизм для эстонцев — абсурд. Но Санден оставляет и мнение автора книги «Среди русских» о простоте и честности атеизма, подчеркивая таким образом объективный характер своей подборки: мнения разных наблюдателей не должны складываться в идеально непротиворечивую картину. Но интересно и другое: Санден выбрал для своей подборки не рассказ студента и не рассуждения Яана о «русских свиньях», но именно этот элегический фрагмент. Как кажется, сцена на кладбище нужна Сандену для того, чтобы показать, что Фаброн ошибается, он, как и свойственно иностранцам, не понял того, что происходит в Эстонии, и видит здесь возможность национального примирения. Но в то же время Фаброн в неведении и по наивности отметил главное — окончательное примирение возможно только на кладбище.

И эта идея в путеводителе оказывается той исходной точкой, вокруг которой Санден начинает строить из чужих цитат свою концепцию Эстонии 1985 г., напоминая все время своему читателю о том, как трудно внешнему наблюдателю понять то, что происходит в этой стране.

Все остальные цитаты взяты из газет. Санден не указывает страниц изданий, иногда он, специально не отмечая этого, сокращает, иногда слегка дополняет текст, в некоторых случаях пропускает примечания и комментарии авторов статей, указания на прямую речь. Искажения исходного смысла при этом оказываются в ряде случаев значительными. Все изменения, конечно же, сделаны продуманно, они, с одной стороны, должны упростить текст и сфокусировать читателя на том, что важно для Сандена. С другой стороны, в изменениях можно увидеть то, что мы уже встречали на примере текста Фаброна: это своеобразная полемика, вскрытие в газетных статьях тех смыслов, о которых сами авторы не подозревали.

Первый газетный фрагмент взят из статьи Дональда Кимельмана (Donald Kimelman) «Эстония: культура выживает в советском плавильном котле» ("Philadelphia Inquirer", 20 октября 1983 г.), которая занимает в газете почти целую страницу. В статье Кимельмана говорится о том, что эстонцы и русские существуют в Эстонии как бы в параллельных измерениях, не пересекаясь. Для западного человека, который представляет себе советский образ жизни по тому, что можно увидеть в Москве, Эстония будет откровением: здесь в кинотеатрах показывают фильм Вуди Аллена, в витринах магазинов можно увидеть одежду и мебель в современном «скандинавском стиле», в художественной галерее — выставку графиков-сюрреалистов, дети здесь плавают на яхтах, а молодые люди носят джинсы, ковбойские сапоги и адидасовские футболки. В этой части статья очень близка к взглядам Сандена. Но из второй части статьи читатель узнает, что эстонцы только вначале сопротивлялись, но потом «вросли в советский режим», и теперь существует неписанный договор с Москвой: в повседневном быту Эстонии, в обмен на признание режима, позволили сохранить некоторые западные черты. В статье приво-

дится мнение одного из знакомцев автора о том, что если бы победили немцы, эстонцы давно были бы уже ассимилированы, а теперь русские и эстонцы, хоть и живут раздельно, равны, и, чтобы преуспеть в жизни, русские учат эстонский язык, а эстонцы — русский. И главное — в обмен на некоторые бытовые неудобства эстонцы получили от советского режима уверенность в завтрашнем дне, бесплатное образование и здравоохранение. Один эстонец даже заявил автору статьи, что если вдруг проведут референдум, то большинство эстонцев предпочтут остаться в Советском Союзе. И когда эстонцев сравнивают с поляками, сопротивляющимися советскому режиму, то они отвечают, что их всего один миллион, а поляков — 40 миллионов: «Поляки могут думать, что хотят, а мы пережили шведов, пережили немцев, пережили царей. У нас есть язык и культура, нам этого достаточно» [Kimelman]. Эта вторая часть статьи, конечно же, неприемлема для Сандена, и он выбирает только небольшие отрывки из ее начала, и складывает из них такой текст:

Наплыв русских изменил на удивление мало. По внешнему виду, стилю, звучанию это место все еще эстонское, и тут на редкость мало смешения между сдержанными светловолосыми эстонцами, язык которых напоминает финский, и грубоватыми и более эмоциональными русскими. Даже любовь не переступает этнических границ. Много где побывавший эстонец, которому был задан вопрос о межнациональных браках, сказал: «Они не распространены, но не до такой степени, как между белыми и неграми в Америке». Эстонцы позаимствовали русскую привычку постоянно носить с собой авоську на случай, если им встретится что-то, что обычно трудно купить. Но москвичи носят с собой громоздкие матерчатые или полотняные сумки, а Таллинн наводнен крепкими яркими и легкими пластиковыми пакетами [Tallinn 1935+1985: 86].

Фрагменты здесь подобраны так, что они оказываются противопоставлены идее смешения и примирения на кладбище: если там лежат все вперемешку — христиане и атеисты, русские, эстонцы и евреи, то в жизни такого смешения не происходит, и после 40 лет сосуществования в Эстонии русские и эстонцы по-прежнему разделены.

Следующий фрагмент заимствован из статьи Сержа Шмемана (Serge Schmemmann), напечатанной в газете "The New York Times" 27 октября 1983 г. В отличие от двух предыдущих публикаций, эта статья использована в большем объеме, фрагмент занимает в путеводителе почти полторы страницы, и это приблизительно половина оригинальной статьи. Санден приводит полностью начало статьи, где говорится о реставрации старого города к Олимпийским играм 1980 г., пропускает только некоторые детали и цифры⁶:

Долгое время город был своего рода суррогатом Запада для русских, которые не имеют возможности узнать настоящий Запад. 1,2 миллиона советских туристов слетаются сюда каждый год, чтобы вкусить немного того стиля и изыска, которого не найти в самой России.

Западность заключается не только в вымощенных булыжником улицах и чугунных фонарях. Кажется, что миллион с небольшим эстонцев свято верит, что они самые западные среди советских людей.

Знаки западности присутствуют везде. Но более всего поражают телевизионные антенны на крышах, повернутые в сторону Финляндии, расположенной в 50-ти милях за Финским заливом [Tallinn 1935+1985: 87].

Из второй части статьи Санден выбирает только несколько фактов, приведенных Шмеманом (история Эстонии переписана советскими идеологами, 150 000 эстонцев были высланы в Сибирь). Кроме того, он приводит высказывания двух жителей республики о том, что для них значит быть эстонцем:

Из разговоров с эстонцами видно, что близость с Западом часто служит, наряду с языком и национальной историей, основополагающим элементом этнического самосознания. <...>

«У нас, эстонцев, нет этой русской "души", этой русской всеместности, — сказал один профсоюзный чиновник, пытаясь объяснить разницу, — эстонцы больше похожи на финнов — независимые, молчаливые, трудолюбивые».

⁶ Санден также делает несколько фактических уточнений (республика вместо штата, Финский, а не Балтийский залив и проч.).

«Мы, может быть, на 10 лет отстали от Запада в образе жизни, — сказал молодой ювелир во время обеда в ресторане "Норд", — но мы на 10 лет впереди Москвы» [Tallinn 1935+1985: 87].

Слово «суррогат», употребленное в самом начале фрагмента, в контексте отобранных Санденом отрывков как будто относится не к степени «западности» самой Эстонии, а скорее к русским, которые должны довольствоваться тем Западом, который им доступен. В оригинале, однако, за описанием «западности» Эстонии следует опровержение: автору грустно признавать, но, к сожалению, советского вокруг больше, чем кажется эстонцам. Это касается и того, что подают в «роскошном» ресторане «Норд», и того, что можно купить в построенных на современный западный манер универсамах (точнее, чего там купить нельзя). Русские и эстонские школы разделены, но программа, — подчеркивает автор статьи, — все та же; новые районы носят имена Ленина и коммунистических лидеров, КГБ и Коммунистическая партия контролируют все сферы жизни республики. Советские власти просто отвели Эстонии некоторое свободное пространство — ведь каждая культура, в соответствии с коммунистической доктриной, должна быть национальной по форме и коммунистической по содержанию. Завершает свою статью Шмеман уже знакомым нам сравнением эстонцев с поляками, и тем же высказыванием одного из жителей Эстонии: «Их 40 миллионов, а нас всего один» [Schmemmann]. Нет сомнения, что Санден не разделяет такого взгляда на Эстонию, и потому оставляет эту часть статьи за пределами своего путеводителя. Но он подбирает далее отзывы из газет, которые должны опровергнуть исключенные части статей Кимельмана и Шмемана.

Остановимся подробно на фрагменте из статьи Марка Фишера (Marc Fisher) из "Toronto Sunday Star" от 19 августа 1984 г., которую Санден использует почти полностью. Статья состоит из трех частей, разделенных подзаголовками. Первая сообщает, что один из эстонских комсомольских лидеров и его жена-певица попросили политическое убежище в Швеции. Это стало результатом прокатившихся по республике арестов и обысков, которые были частью попытки советских властей

подавить национальное движение в Эстонии. Эти меры последовали после того, как Кремль потребовал от эстонского руководства «установить дух советского патриотизма» в республике. Но полного успеха власти не добились: на стенах домов по-прежнему появляются надписи, порочащие руководство страны. Вся эта часть перенесена Санденом в путеводитель.

Из второй части статьи Санден использует только один абзац, выпуская из него несколько незначительных для общего смысла деталей:

В магазинах Таллинна два уровня обслуживания: быстро и эффективно обслуживают покупателей, которые говорят на эстонском языке <...>, и медленно и грубо — тех, кто говорит по-русски [Tallinn 1935+1985: 90].

Далее в статье следует пространный эпизод, который Санден исключил. Здесь Фишер коротко говорит об истории Эстонии и событиях 1940 и 1945 гг., а также о возможности для эстонцев смотреть передачи, транслируемые из Финляндии, и это понятно: и о том, и о другом речь уже шла ранее.

Но одна тема определенно опущена Санденом по причине несогласия с Фишером: Фишер пишет, что история Эстонии и Польши близки (обе страны неоднократно переживали территориальное разделение и угрозу ассимиляции). Но Польша активно сопротивляется советскому контролю, и лидеры профсоюзного движения Польши в 1982 г. обращались к эстонцам с призывом присоединиться к получасовой забастовке каждый первый день месяца, но эстонцы к забастовке не присоединились [Fisher].

В качестве своеобразного ответа на критические замечания западных журналистов о том, что Эстония не поддержала Польшу, Санден приводит большую выдержку из статьи Зигмунта Пжетакевича (Zygmunt Przetakiewicz) из «Toronto Sun» от 13 июля 1984 г. По тону и специфической подборке материала можно с большой степенью вероятности предположить, что Пжетакевич ставит своей задачей оправдать эстонцев, которые остались в стороне от того, что происходило в Польше:

Эстония — очень маленькая клеточка на карте мира. В терминах мировой статистики, один миллион эстонцев кажется очень маленькой цифрой по сравнению с 36 миллионами поляков, 50 миллионами украинцев, 80 миллионами немцев, 150 миллионами бразильцев и миллиардом китайцев. Но эстонцы думают о качестве, а не о количестве. Каждый отдельный человек значит очень много для эстонцев. В советских политических лагерях говорили, что два эстонца могут заменить трактор [Tallinn 1935+1985: 88].

И далее во включенном в путеводитель отрывке Пжетакевич напоминает, что в 1918–1920 гг. новорожденная эстонская армия сдерживала русских, которые превосходили эстонцев в численности в десять раз, а всего два корабля, которые составляли в то время эстонский флот, противостояли всему советскому флоту на Балтике. Он вспоминает, что один русский, который служил в КГБ, говорил Энну Тарто, что он знает, эстонцы превосходят русских по силе духа, но русские их все равно раздавят, потому что русских в сотни раз больше. И Пжетакевич добавляет: «Тарто — это символ — нация против империи: Давид против Голиафа, один против ста» [Там же: 89].

Но вернемся к Фишеру. Третья часть его статьи говорит о мерах советского правительства по борьбе с эстонским национальным движением, и ее Санден перепечатывает по сути дела полностью. Речь здесь идет о политике распределения эстонских выпускников после университета на работу в другие республики, о предотвращении переезда сельского населения в города и о введении дополнительных мер по привлечению новых русских переселенцев в Эстонию. Конец статьи Санден переносит в путеводитель без изменений:

Эстонцы могут отдавать своих детей в эстонские или русские школы, но рекомендуется отдавать в русские. «Нам говорят, что это обеспечит нашим детям более широкие возможности, лучшее будущее», — сказала ведущая телевизионной игры на эстонском телевидении⁷. И добавила: «Русские — часть нашей истории

⁷ Здесь Санден исключил слова: «И они правы. Русские школы лучше».

в Эстонии. Они были здесь уже 40 лет. Они примитивные люди. Сильные, но простые. У них нет искусства, нет культуры. Однажды они уйдут, а мы, эстонцы, останемся» [Tallinn 1935+1985: 90].

Статья Фишера и фрагмент из Пжетакевича дают возможность Сандену достроить свою концепцию Эстонии в 1985 г.

Последний фрагмент заимствован из статьи Кейт Вортон (Kate Wharton) из "The Mail on Sunday" (2 сентября 1984 г.). Он — наиболее эмоциональный: журналистка называет Таллинн «одним из самых печальных городов в мире», рассказывает о тяжелом материальном положении эстонцев и о чудовищных жилищных условиях; о том, как одна эстонка подарила ей букетик васильков, национальных цветов Эстонии, и попросила носить букетик в нагрудном кармане со словами: «Носи их за нас». Кейт Вортон определенно напугана (или, по крайней мере, хочет, чтобы читатель видел, что она напугана), она не очень понимает, что происходит вокруг нее⁸, но ее боль за маленькую нацию, которую ждет неминуемая ассимиляция, кажется искренней. Заканчивает свою статью Кейт Вортон символической зарисовкой, которую Санден включает в подборку, завершая путеводитель в целом:

Одна простая картина преследует меня постоянно после этой душераздирающей (nerve-racking) поездки в Эстонию, когда каждую минуту день и ночь я ожидала, что вот-вот кто-то постучит мне по плечу и попросит пройти с ним... Это была маленькая скульптура, которую я увидела в траве напротив так называемого Дома Искусств: грациозная молодая девушка с опущенной головой, высеченная из гранита; она, казалось, совершенно подавлена скорбью. Скорбь по утраченному девичеству, скорбь по стране, которая может казаться какой угодно, но только не потерянной. Так пусть она рыдает [Tallinn 1935+1985: 93].

⁸ Так, она с сочувствием лижет об эстонцах, которым приходится довольствоваться только незрелыми зелеными бананами. Можно не сомневаться, что бананы она видела в буфете гостиницы «Вирру»; в 1980-х гг. в Эстонии даже самые зеленые бананы были большой редкостью.

Такая элегическая концовка по своему тону возвращает читателя к первому фрагменту — сцене на кладбище, но читатель, переходя от эпизода к эпизоду, по замыслу составителя, должен был к этому последнему эпизоду видеть Эстонию уже совсем другими глазами. Действительно, краски с каждым новым эпизодом все более сгущаются.

Такая динамика отражает не только процесс «обучения» читателя, который шаг за шагом узнает, что на самом деле происходит в Эстонии. И не только развитие скрытой в подборке полемики между различными авторами о природе того, что происходит в Эстонии, которую умело оркеструет сам Санден. Она имеет и еще одно — хронологическое — измерение. В самом деле, все отрывки расположены в хронологической последовательности, первая точная дата — 20 октября 1983 г., последняя — 2 сентября 1984 г. Эта динамика должна показать те стремительные изменения, которые можно наблюдать в Эстонии: положение эстонцев становится все более угрожающим, а их сопротивление советскому режиму — все более открытым. Потому подборка в целом выступает как своего рода предсказание: что-то должно произойти, все идет к какой-то развязке.

Помещая путеводитель 1935 г. в новый исторический контекст, Санден меняет и статус путеводителя как особого рода издания. Путеводитель для туристов должен как будто рассказывать о том, что и где можно увидеть в данной стране. Санден же создает путеводитель, который парадоксальным образом рассказывает туристу о том, чего больше нельзя увидеть в Таллинне, чего больше не существует.

ЛИТЕРАТУРА

- Kimelman: *Kimelman D.* Estonia: A Culture Surviving the Soviet Melting Pot // *Philadelphia Inquirer*. 20 October, 1983. P. 12A.
 Müürisepp: *Müürisepp A.* Estonia: Wonderful Present, Marvelous Future. London: Soviet Booklets, 1959.
 Sanden: *Sanden E.* KGB Calling Eve: A Documentary Novel. Cardiff: Boreas Publishing House, 1968.

- Tallinn 1935+1985: Guide to Tallinn: 1935 + 1985 / Ed. E. Sanden. Cardiff: Boreas Publishing House, 1985.
- Thubron: *Thubron C.* Where Nights are Longest: Travels by Car Through Western Russia. New York: The Atlantic Monthly Press. 1987.
- Fisher: *Fisher M.* Nationalist Revolt Sparks Harsh Soviet 'Crackdown' // Toronto Sunday Star. 1984. 19 Aug.
- Schmemmann: *Schmemmann S.* "Estonia, for Russians, is a Window Looking West" // The New York Times. 1983. 27 Oct. P. A2.

ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА РУССКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НАРВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

ЕЛЕНА НЫММ

По неоднократным отзывам писавших о Нарве в XIX в. город не пользовался большой популярностью среди российских туристов. Одну из причин этого видели в недостатке знаний о Нарве у русских читателей и путешественников. Так, в 1845 г., предлагая вниманию читателей в еженедельнике «Иллюстрация» очерк П. Р. Фурмана о Нарве в серии «Путешествие по всей России», издатель писал: «Всегда было нашею приятнейшею мечтою сделать путешествие по безмерному царству, занимающему положительно седьмую часть земли нашей планеты <...> На первый случай мы предлагаем нашу соседку Нарву, малоизвестную не только отдаленным провинциям, но и Петербургу» [Фурман 1845: 36]. Путеводитель по Нарве должен был создать привлекательный образ города и раскрыть его туристический потенциал для русского путешественника.

Специальные издания, посвященные Нарве, появляются в России только во второй половине XIX в. Для любознательного читателя конца XVIII – начала XIX вв. были доступны географические словари, в которых можно было найти сведения не только о местоположении города, но и о его истории, населении, торговле, наиболее интересных городских сооружениях [Полунин; Максимович, Щекатов]. В середине XIX в. выходят справочные издания по Санкт-Петербургской губернии: «Описание Санкт-Петербургской губернии» И. Пушкарева (1842), «Странствователь по Прибалтийскому краю» (1861) [Пушкарев; Странствователь]. Рассказ о Нарве в этих книгах давался

¹ Статья написана при финансовой поддержке Эстонского научного фонда (грант 6469).